

сидели в «черте оседлости», но и для «чужих» въезд в страну был закрыт. Причем не только для торговцев и промышленников, но и для дипломатов. Известен случай, когда американский дипломат еврейского происхождения Оскар С. Строс, посол США в Стамбуле, был принят в России только после установления над ним секретного надзора и на строго определенное время.

Президент Рузвельт попытался изменить положение и направил Николаю Второму письмо, прося не дискриминировать хотя бы американских евреев, что было увязано им с подписанием двустороннего договора о торговле и мореплавании. Царское правительство не отвечало на это письмо целых шесть лет — и в итоге в 1911 году обе палаты Конгресса договор денонсировали. Тогда же Петр Столыпин представил царю проект закона о «еврейском равноправии». Николай Второй, поддерживающий черносотенный «Союз русского народа», ответил Столыпину так: «...внутренний голос все настойчивее твердит мне, чтобы я не брал этого решения на себя». Теодор Рузвельт, как видим, вел себя в этом вопросе по-другому.

Две темы: Рузвельт-политик и Рузвельт-путешественник сходятся в самом конце книги, где автор рассказывает о появлении в Бразилии «реки Рузвельта», а в Южной Дакоте гигантского монумента, высеченного в гранитной скале. Это памятник четверем величайшим американским президентам: Джорджу Вашингтону, Томасу Джефферсону, Аврааму Линкольну и Теодору Рузвельту. Великая честь досталась 26-му президенту Америки — попасть в эту четверку избранных. Прочитав книгу Леонида Спивака, русский читатель сможет представить себе, какими человеческими и государственными качествами нужно обладать, чтобы американцы посвятили тебе двадцатиметровую статую.

В заключение скажу, что «Река Теодора» Леонида Спивака снабжена большим количеством иллюстраций, хронологической таблицей основных дат жизни и деятельности президента и обширной библиографией на двух языках — английском и русском, включающей произведения самого героя книги.

Ирина ЧАЙКОВСКАЯ

ГЕНИЙ И ЗЛОДЕЙСТВО В УЖАСНЫЙ ВЕК

Е. М. Беркович. Революция в физике и судьбы ее героев.

Альберт Эйнштейн в фокусе истории XX века. М.: URSS. 2018.

С незапамятных времен в русском языке существует слово «вѣра». Буква «ять» в корне говорит о том, что слово это — исконно славянское по своему происхождению. А от латинского «verus», «veritas» в русский пришли слова со значением «правильный», «истина». В словах, заимствованных из других языков, «ять» в корне быть не может, только «е». Так гласит правило. Казалось бы, логично ожидать, что «верный друг» и «верное решение задачи» должны были в старой орфографии писать по-разному, но это не так. Во всех значениях писали через «ѣ». Почему? Можно строить догадки. Напрашивается простой ответ: велик соблазн подчеркнуть истинность веры. А еще вполне возможно, что осталась одна и та же буква в обоих корнях, потому что у них есть общий предок «werg» (истина) в праиндоевропейском языке.

Пока что большинству людей на белом свете еще не по силам понять и осмыслить содержание и значение главного научного наследия великого Альберта Эйнштейна.

А если опросить случайных прохожих на улице, чем он знаменит, наверняка большинство сразу ответит, что он — создатель теории относительности. А ежели людей спросить, кого из ученых XX века они назовут величайшим, то, уверен, лидером, да еще и с большим отрывом, окажется тот же Альберт Эйнштейн. И лик этого ученого можно встретить не только в профессорских кабинетах или университетских аудиториях. У многих он дома на стене или в рамке на письменном столе. Есть скопированные с известных фотографий или написанных портретов, есть серьезные, а есть шаржированные. Либо Эйнштейн смотрит печально, либо улыбается, популярна фотография, где он высунул язык, нередко он со скрипкой в руках. Его понимают немногие, а любят и ценят, можно сказать, все. И не за внешнее обаяние (а он им наделен, да еще как), а видят в нем великого мыслителя и яркого человека. А еще он будто транслирует высшее нравственное начало. Люди понимают, что его открытия распахнули новые горизонты постижения окружающего мира, а он сам — пример достойнейшего из людей. Он получил высокое доверие в том, что его научная теория и одновременно нравственная позиция верны. Такая вот получается игра слов-дальних родственников.

Я тоже вовсе не физик, и понять существование теории Эйнштейна могу лишь в общих словах. Но во мне с детства живет то самое доверие к великому ученому, а облик его дает чувство правоты, нравственной опоры, его жизнь интересна, а ее уроки — важны. Живу я в маленьком городе в доме на перекрестке бульвара, названного именем чтимого поэта и улицы Эйнштейна.

Прочитана книга Евгения Берковича «Альберт Эйнштейн в фокусе истории XX века». Это огромный труд. В книге шесть частей. Совсем не следует ожидать, что перед нами еще одна написанная биография Эйнштейна. Их уже существует немало, и в будущем, я уверен, появится ничуть не меньше. Наследие подлинного гения всегда неисчерпаемо, продолжает свою жизнь, обретая в иных временах новое значение, новое осмысление, новое воплощение. Лучший тому пример — музыка И.-С. Баха, чья судьба еще более драматична: она пережила забвение на целое столетие, открытие заново, возвращение и новое звучание в веке двадцатом. Во всякую эпоху судьба гения и того, что им создано, обретает все более глубокое понимание. Поэтому и пишутся новые книги.

Да, работа Е. Берковича — не еще одна биография, хотя в ней поведано о некоторых важнейших страницах жизненного пути Эйнштейна, многие подробно прослеживаются впервые. Рассказывается и о судьбах ряда его современников, причем некоторые, как, к примеру, Макса Борна, высвечиваются не менее подробно. А главный смысл книги полностью отражен в ее названии. Оно может показаться сухим и как бы нарочито академичным, но советую вчитаться в него еще раз. XX век начинался невероятными открытиями, приведшими к перевороту во многих областях науки, а продолжался такими испытаниями для человечества в целом, и для тех же ученых, что пройти их оказалось очень сложно, судьбы складывались драматично. Многие ученые разделили трагическую судьбу миллионов людей. Опять же, физиками в XX столетии создано то, что может быстро погубить мир и остановить историю вообще. А еще век этот пережил вторжение страшных идеологий, двух безумных «измов», родственных друг другу при своей видимой противоположности. Они не только изуродовали государства, где появились, не только погубили десятки миллионов людей в войнах, геноциде и внутреннем терроре. Они обнажили страшный потенциал злого начала в самом человеке, который стоит лишь разбудить, вызволить, и окажется — способны люди на такое, во что поверить прежде было невозможно. И бомба эта не спрятана глубоко. Заряд лежит почти на поверхности. Такой вот контекст. Альберт Эйнштейн оказался в фокусе истории своего века. А ученые, самые

выдающиеся физики, — и они из рода человеческого. XX век учинил тяжелый экзамен, и они одолели его по-разному.

Я не собираюсь подробно устраивать разбор всех шести частей книги. Могу лишь заверить, что в каждой из них читатель найдет очень много интереснейших фактов, уникальных свидетельств, документов, судеб. Хотелось бы сказать о том, что лично для меня оказалось самым интересным и важным и каким образом эта книга дополнила мою картину минувшего века. Она не просто дополнила, а заставила многое понять и увидеть иначе, оторваться от прежних привычных представлений. Думаю, что в том и состоял авторский замысел, который Е. Беркович не декларирует. Читатель должен сделать выводы самостоятельно. Композиция книги подтверждает такую догадку. В первой же части автор рассказал о конфликте, случившемся в начале столетия и предвосхитившем дальнейшие события.

Первая часть называется «Антиподы: Альберт Эйнштейн и Филипп Ленард». Первого мы знаем, а второй — когда-то выдающийся физик, нобелевский лауреат, между прочим, чей дальнейший путь привел к нацистскому мировоззрению и созданию «арийской физики». Это не какой-то Трофим Лысенко. Он не приспособленец, нащупавший в порочной системе путь к достижению положения и власти. Он — ученый, доказавший это прежде. Нобелевский комитет, присуждающий премии по наукам, не дает их случайным людям (речь не о премии Мира, ее в последние годы могли и за экстерьер вручить).

Нет ничего нового в нашей жизни, что было, то и будет. Это еще мудрый царь Соломон заметил очень давно. Вполне возможно, что и не сам заметил, а ему кто-нибудь подсказал. Важно, что он с этим согласился и поведал нам. Исходя из Соломоновой мудрости, можно сказать уверенно, что новых сюжетов не бывает. Всякий раз всплывает старый в иных временах и с новыми персонажами. И если бы сюжеты встречались только в книгах! Нам преподносит их сама жизнь.

Разбудите любого среди ночи, оторвите от самого глубокого сладкого сна, посветите фонариком в лицо и задайте один-единственный вопрос:

«Гений и злодейство?..»

Будьте уверены, что ответ вырвется автоматически даже прежде самого пробуждения:

«Две вещи несовместные!» — четко и даже не всегда чеканным голосом ответит каждый.

Такие ответы сидят глубоко и прочно ниже коры мозга наряду с «Всегда готов», «Сам дурак», «Воистину воскрес» или «Пошел к черту» (если пожелали «ни пуха ни пера»). Это уже не вопрос-ответ, а, скорее, пароль-отзыв.

Есть такая давно придуманная игра в ассоциации: произносится слово, и нужно немедленно найти другое, с которым названное прочно и безусловно связано. Не сомневаюсь, что на слово «гений» в мире половина или больше испытуемых откликнутся — «Моцарт». Гений — это редкость, большая редкость, подобна уникальному бриллианту, но, к нашему счастью, из таких драгоценностей человечество за долгую свою историю собрало и сохранило серьезную коллекцию. При этом в мире большинство, я уверен, согласится назвать эталоном самого понятия «гений» именно великого австрийца. А если мы будем спрашивать говорящих, думающих и читающих по-русски, то от многих немедленно услышим ответ — «Пушкин». Поэтому едва ли случайно в маленькой трагедии Пушкина именно Моцарт бросает реплику про гения и злодейство.

А как мы это понимаем? Чаще всего — буквально. Гений не может совершить зло. А если совершил — его из списка вычеркнуть! Все. Точка. Или перевести в категорию со странным названием «злой гений»? Такой возможен, или это оксюморон? К такому обычно причисляют откровенных общепризнанных злодеев, достигающих не-

вероятных вершин в злодействе своем, что иначе как гениальностью их и не объяснишь. А как же пушкинская аксиома? Ее отменить? И здесь начинаются рассуждения, что речь идет совсем о другого рода гениальности, с той, общепринятой, путать не надо. Короче, туман.

А если мы привычно понимаем пушкинскую фразу слишком буквально? Гений не может совершить злодеяния, или мы отказываемся признать его злодеяние, готовы закрыть глаза, простить, потому что он для нас гений без оговорок? А может быть, сама личность гения теряется на фоне созданного им? А еще нередко многим представляется, что гений — он лишь вестник, приносящий творение из высших сфер в наш грешный мир, и важна сама Весть, а не личность посланника, с которым она отправлена.

Сальери — выдающийся композитор своего времени. Так оно и было, но я говорю о персонаже пушкинской трагедии. Он — признанный гений, окружен благоговейным почтением. Моцарт придерживается того же мнения. Сальери впитал опыт предшественников, опираясь на него, пришел к славе долгим трудом постижения тайн гармонии. А тут появился этот молодой, бесшабашный, которому все дается легко, не по летам и не по заслугам. Самое-то страшное: рядом с музыкой Моцарта созданное Сальери меркнет. И ему, и всем остальным это понятно. Боль такой несправедливости приводит к убийству.

Филипп Ленард, как справедливо отмечено в книге, «принадлежал к когорте блестящих физиков-экспериментаторов». За ним — школа. Он воспитан в культе блестяще выполненного опыта с наглядным результатом, этого добивался сам и требовал от учеников.

Он провел серии работ с усовершенствованной им «разрядной трубкой», изучая секрет «катодных лучей». Но случилось так, что важнейшие открытия, связанные с этим прибором и «лучами», сделали другие. Англичанин Томсон открыл электроны, а Вильгельм Конрад Рентген — X-излучение, которое с тех пор зовется рентгеновским. И Ленард уязвлен на всю жизнь тем, что ему не выразили благодарности. Он был уверен, что у порога этих открытий стоял сам, остальные лишь наблюдали его опыты, он — истинный открыватель, а тот же Томсон — лишь «повитуха». Ах, если бы не помешали... Ах, не ценят в должной мере! Автор прослеживает особенности Ленарда в свидетельствах, оставленных современниками. И говорится, что уже «с детства в Ленарде боролись два чувства: тяга к людям, желание сделать им добро и страх ошибиться, нарваться на обман, предательство. Он жаловался, что ему мало встречалось людей, достойных его любви».

Вот отсюда непрерывное и неосуществимое желание найти единомышленников, товарищей. Когда человек не стоит твердо, есть невольное желание для опоры воткнуть посох в землю. Отсюда и рождается публичное почвенничество.

Поначалу Ленард не высказывал неприятия новых открытий Эйнштейна и самого молодого ученого. Однако позже постепенно личные обиды персонально на кого-то вырастают в обиды более масштабные. Пришла война, и уже виноват не Томсон, а Англия. А по мере неприятия и отторжения теории Эйнштейна он сперва сетует на отсутствие возможности ее «простого, здорового человеческого понимания». Привет от борцов с формализмом, привет от товарища Жданова, требовавшего простых мелодий, «которые легко напевать». И до чего же кстати этот Эйнштейн оказывается евреем!

Во время солнечного затмения наблюдавшие его ученые получили очевидное подтверждение выводов Эйнштейна. После этого теория относительности обретает широкое признание, а сам профессор — огромную международную популярность. Ленард уже ведет с ним открытую борьбу. Эйнштейн еще пытался найти пути примирения,

оказалось — бесполезно. С 1922 года Ленард встал окончательно на позиции «арийской физики», что в переводе на простой язык означало прощание с наукой. Мало ли подобных примеров нам приходилось встречать? Бывает же, что человек талантлив, начинает ярко. Каждое новое произведение — событие. А в какой-то момент то ли муза покидает, то ли талант. Он силится что-нибудь создать, и ничего не получается. В такой момент, как правило, и возникает стремление вцепиться в почву всем чем можно, а попутно назвать виноватых. И уже во всех бедах Филиппа Ленарда, будь то потеря денег, смерть сына, проблемы страны виноваты евреи. И борьба с ними в науке превратилась в доминанту. При чтении этих страниц мне вспомнилось кое-что из другой области. Когда-то давно, в годы учебы в институте, перед тем, как мы пришли на кафедру психиатрии, мнилось, что предстоит увидеть редкие и загадочные изменения человеческой психики, что болезни усложняют личность. А оказалось, что сложен человек здоровый, а больные, кем бы ни были в своей жизни до болезни, упрощаются до схемы и становятся удивительно друг на друга похожими.

Всякая самая чудовищная идеология всегда начинается приманкой светлой, аксиоматически справедливой идеи, да не просто идеи, а давней мечты человеческой, простой и понятной. Два самых привычных и знакомых образца: «любовь к родине, забота о ней» или «создание самого справедливого общества, где все равны, а богатства и блага — общие». Чем это заканчивается — мы хорошо знаем. А вот как возникает, как развивается, на кого опирается — тут еще изучать и изучать.

Можно ли считать Ленарда в начале века неудачником? Нет. Это признанный ученый, у него есть немалые заслуги, оцененные высшей наградой. Он оставался «рыцарем классической физики». Это «рыцарство» приводит его туда же, куда в итоге привел немецкий романтизм. Точно так же и Сальери в пушкинской трагедии неудачником не назовешь. Однако и тому, и другому в какой-то момент приходит понимание, что дальше хода нет, их обходят, оставляют позади, все напрасно. А главное, кто обходит? Неблагодарные, неизвестно откуда появившиеся, не проявляющие уважения, с легкостью оставляющие за ненадобностью прежние основы. О каких бы высоких и малодоступных большинству понятиях ни велись споры, ведут их люди, и «ничто человеческое им не чуждо».

В книге рассказано о ситуации в Германии и немецкой науке начала XX столетия. Здесь автор представляет интереснейший экскурс в прошлое. Существовала давняя традиция, почитавшая высокой наукой философию, филологию, другие гуманитарные дисциплины. А естественно-научные в глазах ученой публики находились на более низкой ступени. Поэтому приток новых людей сюда становился легче для разночинной молодежи. После объединения Германии началось ускоренное экономическое развитие страны, стали исчезать ограничения для евреев, и их стало много в университетах. Понятно, что в первую очередь они приходили изучать естественные науки. И совпало, что именно в этих науках делались тогда самые значительные открытия, к ним было приковано внимание, они стали занимать лидирующие позиции. Германия в начале века считалась лидером в науке, в частности в физике. Немецкий язык стал основным на международных конференциях.

Прогресс в какие-то периоды истории может свершаться в немыслимо высоком темпе, особенно в странах, задержавшихся в своих прежних стадиях. Стоит лишь преодолеть устаревшие мешающие барьеры на пути развития. В головокружении от такого необычайного прогресса забывают о прежних давних предрассудках, не до них, но те, в свою очередь, никуда не исчезают, продолжают жить под спудом, лишь ожидая своего часа. Антисемитизм — один из них. Существует столько же, сколько и человеческая история. Никогда нельзя думать, будто бы он исчез или исчезнет. Он подобен

спорам сибирской язвы, которые могут веками ждать своего часа в скотомогильнике. Цивилизация покрыла всего лишь тонким слоем общество людей, которое сотни тысяч лет жило стаями, первобытными племенами. Прогресс науки, литературы, искусств, технологии, общественного развития наносит на этот слой новое, однако нельзя себя тешить иллюзиями, будто он быстро становится намного прочнее. Стоит лишь ковырнуть, потревожить, особенно «умелой рукой», — сразу вылезут прежние болезни, «старые песни о главном», зачастую в новом облике.

Евреи оказались в научной элите быстро развивавшейся Германии. Процесс ассимиляции считался естественным, современным, легким. А крещение, которому не придавалось особого значения, вообще снимало, казалось бы, совсем формальные препятствия. Те, кто упорно отказывался от него, не находили зачастую понимания в своей среде. Хотелось закрепить столь долгожданный успех, хотелось дать окружающим почувствовать преданность стране, желание снять барьеры, отделяющие от большинства. А опыт не одного тысячелетия подсказывал, что за временами благоприятными наступят когда-нибудь совсем иные. И всегда нужно думать на несколько ходов вперед не просто так, а чтобы выжить. Желание обезопасить себя зачастую диктует решения сиюминутные и недалёковидные. Но уж точно не это казалось в ту пору главным. Тогда было много работы, она увлекала, отнимала все силы, и никто не замечал, что зерна будущей беды лежат в земле, а поэтому когда-нибудь прорастут. А беда никогда не случается на ровном месте и даже не в силу внезапно возникающих обстоятельств. Эти обстоятельства могут лишь удобрить слой земли над теми зёрнами и вызвать их рост. Особенно это проявилось в годы Первой мировой войны, когда евреи и воевали на фронтах, и работали в тылу, они так старательно выказывали преданность родине! Будто может оградить от чего-то в будущем. Очень красноречивый пример в книге — Ф. Габер, создатель боевых отравляющих газов, тоже своеобразный антипод Эйнштейна. О нем в книге рассказано подробно. Когда война закончилась, на евреев с ожидаемой легкостью возложили ответственность за ее исход.

В 1914 году ведущие ученые Германии составили «Манифест 93-х» в поддержку войны. Подписали и Планк (впоследствии отказался), и Эрлих, и Рентген. Альберт Эйнштейн, чей нравственный императив вновь продемонстрировал невиданную стойкость, в противовес этому поддержал «Призыв к европейцам» против войны. На примере ситуации в немецкой науке начала века автор книги показал истоки трагедии, постигшей Германию и Европу. И не случайно именно это очень хорошо иллюстрирует ситуацию. Е. Беркович обратил внимание читателя на один факт, который в корне должен поменять общее, давно сложившееся представление: главной опорой Гитлера на пути к власти становились не мелкие лавочники, не люмпены, а студенты, образованная молодежь. Самые старые университеты, такие, как Гёттингенский, Гейдельбергский, вместе с прилегающими регионами превращались в оплот нацистов. Некоторые особо рьяные активисты раннего нацизма, такие, как Ахим Герке, происходили из почтенных профессорских семей. В самих же университетах самые традиционные философские, гуманитарные кафедры играли в этом процессе «первую скрипку» (если вспомнить, о чем речь идет, — «первый барабан»). Что способствовало такому повороту, утраченное первенство в иерархии традиционных научных ценностей? Мы привыкли считать нацизм феноменом неудачников. Книга заставляет уйти от соблазна упрощений. А можно данный феномен понимать и иначе: силен инстинкт примкнуть к стае, велик соблазн срезать путь, упростить решения, разрубить узел, переступить во имя цели ненужный, пылью покрытый нравственный закон. Образование, опыт поколений и даже знание истории не дают иммунитета от такого поворота в выборе жизненного пути, точнее, их недостаточно. Уже позже, когда за нацистами стояли

сила и тем более власть, а примкнуть к ним означало встать на легкий путь, — туда пошли мелкие лавочники и малообразованный элемент.

Книга позволяет проследить, как Альберт Эйнштейн на протяжении трех десятилетий века ни разу не поддавался иллюзиям, искушениям. Он оставался верен науке и своему нравственному императиву. Он не примыкал к кричащим патриотам, он немедленно выступил против войны. Он никогда не шел на компромисс. Эйнштейн не готов был смягчить свою позицию ради того, чтобы задобрить власть и общественное мнение, не накликал беду, не вызвать лишний гнев против евреев. Он слишком хорошо понимал всю бесполезность и беспомощность такого поведения. В книге приводится много примеров того, как и до прихода нацистов, и уже после делалось множество попыток поведать соотечественникам об огромном вкладе евреев в науку, культуру, экономику страны в мирное и военное время. Хотели задобрить, приятно удивить? Эйнштейн оставался непримирим, в подобных проектах не участвовал. А ведь многие считали борьбу с Гитлером бесперспективной, упорно твердили, что приведет к «закручиванию гаек», а без этого все образуется и ничего не случится. О движении «Руки прочь от Гитлера!» я с изумлением узнал из этой книги. «Культурный союз немецких евреев» тоже появился по «инициативе снизу». А власть поощрила. Они стали работать под контролем, превратившись в модель будущих гетто. Читатель найдет массу интереснейших фактов. Меня поразило то, как скрупулезно составлялся театральный репертуар. Существовал список запрещенных и разрешенных к постановке авторов для еврейского театра. Понятно, что написанное немцами не дозволялось, а вот Шекспира — можно. Правда, в «Гамлете» под запрет попадал знаменитый монолог, а без него — пожалуйста. И такое было. Эйнштейна обвиняли в недалекости, эгоизме, нежелании реально облегчить участь соотечественников. Гневных писем от немецких евреев он получал гораздо больше, чем от кого-либо еще. Насчет недалекости обсуждать нечего. А как понимать подобное поведение? Это просто «стокгольмский синдром», лишаящий рассудка страх или неготовность принимать ужасные реалии, лихорадочный поиск успокоительных объяснений?

XX век принес слишком много искушений и испытаний. Даже самым сильным, дальновидным и нравственно стойким, как Альберт Эйнштейн, не удавалось устоять перед всеми. Если относительно происходящего в родной Германии у него не возникало ни малейших иллюзий, то насчет СССР, увы, великий ученый, независимый от чужого мнения, уверенный в себе в вопросах физики, мог поддаваться доводам адептов советского режима. Конечно, на расстоянии все видится иначе. Та самая аксиоматически справедливая идея об обществе равных так ярко сияла и настолько контрастировала на первый взгляд с тем, что выросло в Германии, что очень долго поддерживала огонь надежды в самых добрых умах. В нее хотелось верить, а плохие новости из Москвы слышать не хотели. И тогда, и сейчас если есть где-то далеко альтернатива известному и опостылевшему, ее хочется защищать. Традиция интеллектуальной западной левизны не нова, она лишь по сей день весьма актуальна. Простить такое можно разве что с высоты нашего опыта. Увы, не избежал этого и Эйнштейн. Даже он иногда был «обманываться рад». В книге немного рассказано и об этом. Ученый подписал было письмо в защиту обвиненных по «делу вредителей-пищевиков», но подпись свою отозвал. Даже он в какой-то момент находил оправдания «большому террору». Мне узнавать об этом было горько. Но правда есть правда. А гений и злодейство, как известно... Опять же, лучше знать правду. И за это автору огромное спасибо.

Повествование в книге выстроено так, что события жизни Эйнштейна проводятся сквозь события века с экскурсами в историю Германии, еврейской общины. Есть целые главы о многих судьбах современников, имеющих к главному персонажу прямое

либо косвенное отношение. Книга писалась на основании огромного материала, свидетельств. Иначе невозможно воплотить замысел, прямо указанный в названии. В какие-то моменты при чтении возникало ощущение, будто автор уходит далеко от основного повествования, просто не может не поделиться рассказом о каких-то событиях, прежде не освещавшихся в достаточной мере. Но всякий раз умело он возвращает читателя и к главному персонажу, и к общему замыслу. Может быть, главы, посвященные созданию Еврейского университета в Иерусалиме, слишком подробно повествуют об этом, а материала у автора хватит на целую отдельную книгу.

Есть одна глава, которая касается очень опасной темы, ставшей впоследствии предметом бесчисленных спекуляций: контактов между сионистами и нацистскими властями. Что это было? Ради чего? Давно миновали времена, когда нам, еще тогда студентам, один разоткровенничавшийся лектор с кафедры вещал, будто Гитлер преследовал евреев исключительно по наущению ужасных сионистов. Время прошло, однако при чтении данной главы внутри у меня невольно все сжалось. В книге проводится очень аккуратный анализ того, что же имело место, как неожиданно встретились интересы одних очистить страну от евреев и других — привести их в Палестину, в Ишув. Приводятся факты, интересные подробности. На эту тему еще, я думаю, придется много думать, изучать документы и находить ответы на вопросы. Их много, и не самых легких.

Что за человек Альберт Эйнштейн? Книгу по своей композиции можно сравнить с музыкальной формой Rondo. Повествование постоянно по кругу возвращается к личности главного персонажа, его жизни, его позиции в науке, его реакции на происходящее, его облику, его влиянию. Мне запомнились слова о том, что будто «воздушная прослойка отделяла Эйнштейна от остального мира и даже от самых близких». Немудрено, что это так. А могло ли быть иначе для человека, кому удалось зайти куда глубже других в истории науки к постижению пространства и времени. Оставил ли он нам какой-то свой особый совет? Да, и совет простой: «Поведение, рожденное здоровым чувством, всегда лучше любой хитрости... другой тоже может оказаться хитрым. Что я инстинктивно этически отвергаю, того я не делаю».

Вот такая мудрость.

Приводятся слова Джейкоба Эпштейна, который создал его скульптурный портрет:

«В его облике чувствовалась смесь человечности, юмора и глубины. Это была комбинация, которая меня восхитила. Он напоминал стареющего Рембрандта».

Художнику нужно доверять, что мы и делаем. Когда в будущем наши потомки захотят сыграть в ассоциации, то наверняка на понятие «XX век» первым ответом станет «Альберт Эйнштейн». И останется он в памяти далеко не только как величайший ученый, а как мудрый, добрый, справедливый и скромный человек. В книге приводится его последняя запись:

«Все, к чему я стремился, — это своими слабыми силами служить правде и справедливости, даже рискуя при этом никому не понравиться».

И это предельно честно и вЪрно, причем во всех смыслах и оттенках слова, происходящего от праиндоевропейского «WER» (истина).

Сергей ЛЕВИН